

Свидетель

Про Это. О Ней, про Неё и об Этом

Георгий КАЮРОВ

Георгий Александрович Каюров

Свидетель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27609857

SelfPub; 2017

Аннотация

Героиня повести рассказывает об окружающем её мире с обеих сторон – в миру и находясь по ту его сторону.

Пятнадцатое декабря, суббота. Второй день жжёт в груди, но я бодрюсь. В этом году зима поздняя. Во вторник утром проснулась и не узнала двор – весь был засыпан снегом. Тёплая осень согрела декабрь, он и рад стараться – солнце, солнце. Правды ради, в понедельник, к ночи, немного похолодало. И вот вторник удивил – снегу навалило под крышу.

Пришли дочь Ольга, сын Василий с детьми, – помогли расчистить двор. Снег белый, красивый! В общем, неделя началась славно, так и текла, как в сказке, если не считать позапрошлой ночи. После неё нет на душе покоя. Сон приснился странный... Что-то я такое уже слышала наяву или видела, никак припомнить не могу. Да ну, бог с ней, с этой ночью.

Сегодня утром приехала дочь Елена. Сейчас они с Ольгой хозяйничают на кухне. Никогда не было такого хорошего настроения. Вот только в груди, как открытая рана, – печёт на разрыв.

Ху-у-у! Пройдёт, не такое переживали. Замечательная штука – хорошее настроение! Оно способно быстро сгладить что угодно, до сего дня незнакомое, особенно мимолётно всплескивающуюся тревогу за странное жжение. Тревога, всё-таки, назойливая!

Зимой работы по двору мало. Скотина накормлена. Дочери управляют искусно. Воды принести, что ли? О чём не хочется думать сегодня, так это о здоровье. Хорошее напоминание всем в старости, а особенно когда уже за восемь-

десять: об опасности нельзя забывать. Вот его, хорошего настроения, предательская миссия. Солнышко, снежок радуют глаз, но душу не утешают. Прав Юрий, счастье – это душевный комфорт плюс здоровое тело. При душевном комфорте нельзя быть счастливым, если палец болит. И, наоборот, при здоровом теле не ощутишь счастья, если в душе тревога.

Душа поёт, сердце болит, в груди пекло... Фу-у-ты! Полведра воды не ахти какая помощь, но всё ж при деле, полное – уже не под силу.

– Мама, что ты делаешь? Мы что, воды не принесём? Посиди с нами. Хочешь, пойди, полежи. Скоро будем обедать.

– Хорошо, хорошо, ху-ух, – выдохнула я и, согласившись с дочерью, пошла в дом. Елена заботливая у меня. – Лучше в доме полежу. Я вам тут не нужна, – захотелось побыть одной. – Что-то Юрий не едет. Наверное, очень занят.

– Приедет твой Юрка, – огрызнулась Елена и себе под нос добавила: – Всего-то внук, а любит его как сына.

– Что-то сказала, Лена? – отозвалась Ольга.

– Нет, ничего. Последнее время заговариваться начала, – ответила Елена и, зыркнув матери вслед, пробурчала: – Ещё, чего доброго, дом ему отпишет.

Что-то тяжело на душе. Столько лет мечтала собрать вокруг себя детей, и вот мечта сбывается, а на душе тоска. Ольга переехала жить в отчий дом, глядишь, и Софья вернётся. Елена и Анна с семьями – в соседних посёлках, всё

рядом. Маруся живёт далеко, в Луганске. Видно, там её судьба. Василий, сын, всегда при родителях. Не увидела я в нём наследника. Василий – это моя материнская боль...

С переездом Ольги, что-то ёкнуло: больше Юрия с семьёй не увижу. Тут же отмахнулась от тоскливой мысли-разлуки. Не увижу его больше – сверлило в голове. Не хочу разбираться, кто прав, кто виноват? Мать с сыном в своих, не очень простых отношениях, сами разберутся. Пока Ольга будет жить здесь, Юрий не приедет – это точно. Вот какие мысли мучили сейчас, когда осталась одна. Нахлынула тоска. Я обвела взглядом комнату, в которой лежала, ожидая обеда. В этой комнате прошла вся жизнь. От волнения напряглась и сдавила руками грудь. Жжение плавно перешло в тяжесть и одним большим камнем придавило меня к кровати. Скрещённые на груди руки легли вдоль тела и погладили мягкое покрывало. Сейчас пройдёт. Надо отвлечься. Эта кровать – моё приданое. Покрывало мы с мужем Саввой купили ещё в Галаце на ярмарке.

Нет. Не проходит.

Из кухни доносились звуки передвигаемой посуды. В груди опять запекло и напомнило о болячке. Тяжеловато дышать. Посмотрела на часы. Время близилось к обеду. Тревожные мысли носили меня по комнате от вещи к вещи и окунали в воспоминания. Неожиданно перед глазами появилась Ольга, и я вздрогнула от внезапности. Что такое? Она стояла надо мною, и что-то говорила, но я ничего не слыша-

ла, только видела, как губы шевелятся, и она внимательно на меня смотрит. Я обвела взглядом комнату, ища предметы, издающие звук, но всё вокруг утонуло в безмолвии. Я потянула носом воздух, наполняя лёгкие, с шумом выдохнула, прислушиваясь к выходящему воздуху, но ничего не услышала. Что? Всё? Почему? Посыпались, совсем не к месту, вопросы, с силой сдавливая голову. В прежние времена от такого давления дико болела голова. Не ощущаю боли, только глушит. Наверное, уши заложило, мелькнуло в сознании. Надо сглотнуть слюну и приоткрыть рот. Сглотнула, и слюна медленно, как будто скворча, поползла по пересохшему горлу, но слух не появился. Что происходит?

Вдруг раздался бой часов. Бом! Бом! Раз, два, три... , двенадцать! Полдень! Я отчетливо услышала – часы пробили полдень. Ага! Слух всё-таки есть. Что-то изнутри потянуло со жгучей силой, рвануло, растекаясь жаром по всему телу и вышло, оставив меня холодной. Глаза непроизвольно закрылись... Стоп!!! Я умерла!

Надо же, вот и всё! Восемьдесят три года, больна не смертельно, а умерла. Умерла здоровая! Умом можно двинуться от такого.

Наверное, все так умирают. Какая-то неведомая сила изнутри, одновременно, вырывает ниточки жизни сразу из всех органов. И всё, конец!

Говорят, чего боишься, от того и умрёшь. Всю жизнь боялась умереть, мучаясь в болезни. Где исполнение моего стра-

ха?

О моей смерти возвестил громкий вопль Ольги. Ей суждено было видеть это! Так ей и надо! У неё на руках и произошёл мой окончательный выход из этого мира. Я как будто вывернулась из-под её руки и уже как-то по-другому, со стороны, окинула взглядом комнату и происходящее вокруг. Я всё видела, слышала, но не могла говорить, и тело, моё тело, уже не принадлежало мне. То, что тело не моё, я поняла по исчезнувшему жжению в груди. Куда же оно девалось? Всё отлегло, и стало легко и свободно.

– Ма-ма! Ма-ма! – причитала Ольга. – Что ты наделала? Встань! Скоро Юра приедет!

На Ольгин вопль прибежала Елена и в истерике бросилась мне на грудь.

– Мама! Оля? Что случилось! Мама! Встань, мама! Ая-я-яй! Оля, что ж ты ничего не сделала?

– Мама! Мама! Я виновата! Но что я должна была сделать! Лена! Мамы больше нет у нас!

Крича и заливаясь слезами, они совсем забыли обо мне, а надо подсуетиться. Чего бы мне не хотелось, так это чтобы ломали руки, когда будут обмывать и одевать. Или покойников облачают? Ещё не привыкла. Есть немного времени уложить покойницу, как положено, и я сама застыну. Первой опомнилась Елена.

– Давай быстро зажжём свечу, – Елена подошла к иконостасу и взяла восковую свечку. Руки у неё тряслись, но

спички подчинились, и свеча затрещала, разгораясь, синим огоньком. – Оля, беги к тётке Мане и зови её к нам. Надо маму быстро обмыть и одеть. Я пока поставлю воду нагреть и приготовлю вещи.

Обливаясь слезами, Ольга и Елена вышли, оставив меня одну. В окне мелькнула тень, это Ольга побежала к Мане. Елена вернулась в кухню. Резким, глухим эхом пустоты выварка встала на плиту, и мощный поток воды сопровождал писк опустившегося на цементный пол пустого эмалированного ведра. Несчастливая. Совсем сбилась с толку от внезапно горя. Зачем для покойника греть воду? Покойникам простуда не грозит.

Я осталась одна в комнате. Оглядела её и заглянула за икону. Всегда хотелось это сделать, но боялась. Думала – богохульство. Ничего, угол стены, много паутины и источенное червем дерево иконы. Святые вещи тоже подвержены червоточинам. Лампада погасла. Свеча, зажжённая Еленой, потрескивала. Невыносимо одиноко. Тишина глушит.

В окне замелькали силуэты и в комнату, бубами поползли старухи, держа в руках уже зажжённые свечи. Все они крестились на образа, нагрев противоположный от огня конец, крепили свечи на быльцах кровати, на которой я лежала, и тут же принимались хлопотать. Каждая делала то, что считала нужным в таких случаях. Через четверть часа в доме началась логичная суета. В едином копошении всё перемешалось – люди и тени. Удивительно, безмолвие их смеша-

ло. Старухи-соседки крестились, перешёптывались, поправляли косынки и суетились, суетились, суетились...

Потом кто-то вошёл и сообщил, что всё готово. Всё замерло. Меня подняли и понесли. Наверное, в кухню. Нет, ошиблась, в кладовую. В центре кладовой уже стояли сдвинутые две лавки. Савва использовал эти лавки, и точно так же сдвигал, чтобы свежевать заколотую свинью. Когда-то мы накрывали их дорожками и выставляли для многочисленных гостей. Теперь их сдвинули... и положили на них моё тело.

Пришла Елена, держа в руках выварку с горячей водой. Клубы пара вырвались из-под крышки и потянулись к потолку. Тут же скользнули по стене их тени и тоже поднялись вверх. Пар разошёлся и подвис остывать, а тени пропали. Куда они делись?

– Вот вода, – сказала Елена и, задыхаясь от слёз, вышла.

– Маня, вынеси. Зачем нам горячая вода? – сказала какая-то женщина.

– Пусть стоит. Руки потом помоем. Горячая вода всегда пригодится, – чей-то властный бархатный голос навёл порядок. – Давайте быстрее, а то застынет – мороки потом.

Кто это? Что-то не узнаю. Ага! Это Мария. Странно, что пришла. Третьего дня мы с ней сильно поругались. Спасибо ей! Это, наверное, и есть женская солидарность.

Приглашённые для обмывания женщины склонились над лавками и несколько пар рук быстро сняли с меня всю одежду. Сделав своё дело, женщины, расступились, замерев. Чего

ждут? На лавках одиноко осталось лежать моё тело – старческая сдоба, такая опара, отдающая сыростью. Слава богу, ещё мокрицы по мне не бегают. Зрелище оказалось не из приятных. Жалко-то как себя. Наконец Мария втащила шланг. Вот она, обнажённая правда, жизни.

– Коля, включай! Только тихонько, – крикнула она за дверь.

В её руках зажужжал далёким насосом шланг, и из него пошёл воздух, выталкиваемый водой из колодца. Жирная струя колодезной воды полилась на моё тело, и мне показалось, что я вздрогнула от её ледяного прикосновения, но ничего подобного. Я не почувствовала холода и мне стало даже интересно. Мария заправски, как будто всю жизнь только этим и занималась, обмыла меня, и её голос опять скомандовал:

– Коля выключай!

Струя угасла. Вот так и моя жизнь. Кто-то скомандовал, и она угасла. Угасла в один миг. Даже не дал попрощаться со всеми. Хотела Юрия видеть, деток его, Сашу. Проститься со всеми...

Время упустили и когда дошли до одевания, то руки уже застыли по швам. Пришлось увидеть, как ломают их в суставах. Боли не ощущалось. И вообще, интересно: мыли и ломали уже чьё-то чужое тело. Как легко человек ко всему привыкает. Сила привычки! Конечно, после того, что случилось, человеком меня назвать было уже нельзя. Человек –

это единое: тело и душа. Стоит их разъединить – и это уже не человек.

Наконец, привели меня в порядок. Гроб должны были привезти к вечеру. В кладовую пригласили дочерей и, быстро посоветовавшись, перенесли меня в дальнюю, не отапливаемую комнату нежилой половины дома. Зимой в ней, как в леднике. Да мне-то всё равно. Интересно, диван, на который меня положили, мягкий? Хоть удобно на нём лежать? Мы купили его тридцать лет назад. Так ни разу на нём и не спала. Вообще эти три комнаты построены больше полувека назад и обставлены мебелью в то же время, но в них так и не жили, мебелью не пользовались. Шестьдесят лет прожили с мужем в одной комнатёнке. В ней и детей подняли. Спали на немецкой кровати, доставшейся нам от немцев ещё в сорок втором, когда те драпали, и на моём приданом. Всего много понастроили и не пользовались ничем. Для чего всё это?

Я всё-таки учудила умереть зимой – подолбайте теперь мёрзлую землю. Вот уж, отомстила за всё сразу.

Умереть от страха в наше время – это слишком, но я расслабилась. Расслабилась так основательно, что и не разглядела коварства собственной дочери. К ней не подкопаяешься. Вроде подсуетилась, вызвала врачей и быстро согласилась с ними: больная в таком возрасте, это уже старость точит. Во! Понавыучивали эскулапов ставить безошибочно диагноз: «Старость». Все тоже хороши, на старость списали и успокоились. Никогда не чувствовала себя такой ненужной.

Видно, и правда, зажились на этом свете. Надоела всем.

Впервые я почувствовала жжение в груди позапрошлой ночью. На сон грех жаловаться – спала я всегда крепко. Что-то грохнуло на горище, по-видимому, сильно. Этот грохот меня и разбудил. Проснулась в испуге. Сердце колотится, дыхание перехватило. В этот самый момент запекло в груди, будто сковородку раскалённую поставили, и так потянуло, что от частого дыхания чуть не задохнулась. Испугалась не на шутку. Страх быстро прошёл, а жжение больше не покидало, до смерти. И вот нет больше ничего. Я умерла, и всё закончилось. Эх! Пожить бы ещё чуток!

Всегда пустой дом, более походивший на тихую пристань, вдруг наполнился людьми и тут же превратился в какой-то непрерывный базар. Люди, сгорбившись, копошились, толклись, что-то делали, наверное, нужное, шептались, говорили вполголоса, рыдали и искоса поглядывали на меня. Понашло люду разного: знакомые и незнакомые, чужие и близкие, вообще, какие-то даже не наши, сельские, как будто все только и ждали, когда умру.

Приехала Степанида, сестра мужа. В былое время не дозовёшься, а тут, легка на помине. Чего это я? Мы с ней всегда ладили. Ага, вот и Аня пришла, моя младшая сестра. Смешно звучит – младшая, ей семьдесят восемь. Она в голос не плачет. Вопить тоже не будет, но ночью меня одну не оставит. Так и будет сидеть рядышком. Бывало, мы, как встретимся с ней, могли сутками болтать, болтать. Я любила сво-

их сестёр – и Лену, и Аню.

А это кто пришёл? Ненормальная! Чего же ты, Кина, вырядилась в платок с красными цветами? Кина – это соседка из дома, напротив. Она такая интересная. Образования никакого, а руки золотые. Стены и потолок оштукатурит, загляденье! Помню, много лет назад в нашем селе проводили электролинию. Вкопали столбы, слава богу, не по нашей стороне улицы, и протянули провода. Так вот, Кина пару дней не выходила на работу. Шли проливные дожди и многие не вышли тогда на работу. В правлении колхоза заволновались, и председатель распорядился, чтобы счетовод Гаврилыч сходил, справился, в чём дело. Смеху было на весь район! Оказывается, Кина боялась пройти под проводами, чтобы капающая с них вода не ударила током. Всем селом потешались над Киной, а выяснилось, что все, кто живёт на этой стороне улицы, не вышли на работу по той же причине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.